

— На самом деле тебе не стоит так переживать из-за Пэй Чэна, — голос Пэй Иньсюаня звучал мягко, но в то же время непреклонно. — Я могу помочь тебе его убедить, но в вопросах операции ты должен будешь слушаться меня. Договорились?

Он не позволит старшему брату уйти из жизни в расцвете лет, хотя всегда прекрасно понимал его граничащую с безумием одержимость. С тех пор как не стало той женщины, у старшего брата не осталось ни капли привязанности к этому миру. Причина, по которой он продолжал жить... была лишь одна. Пэй Иньсюань посмотрел на Пэй Чэна и ничуть не удивился, увидев, как тот вспыхнул:

— В чем именно ты собираешься меня убедить? Это совершенно разные вещи, не принимай решений за меня! К чему церемониться с упрямым идиотом, которому за сорок? Не проще ли просто вырубить его и отправить в больницу?

Пэй Иньсюань покачал головой:

— Тебе всё же стоит уступить старшему брату и для начала прекратить всякое общение с этим студентом. В конце концов, предстоит серьезная операция, и нам необходимо полное сотрудничество со стороны пациента. — Сказав это, он заметил, как помрачнело лицо Пэй Чэна, и, не удержавшись, вздохнул, добавив: — Насчет того парня... подождем, пока состояние старшего брата стабилизируется, тогда и обсудим всё спокойно.

— Тут нечего обсуждать, — отрезал Пэй Иньсюань, издав холодный смешок. — Если только этот мальчишка не сменит пол, разговаривать не о чем!

— Старший брат, ты не мог бы...

— Верно, говорить тут совершенно не о чем, — перебил его Пэй Чэн с издевкой. — Не трудись беспокоиться о моих делах. Хочешь умереть — умирай сам, только не мешай остальным!

— Чэн!

— Если ты не одумаешься, я не позволю тебе так легко уйти из жизни. Чего вы двое добьетесь? Можете пожениться? Родить детей? Эти ненормальные отношения не могут длиться вечно. Или ты собираешься всю жизнь прятаться по углам?

— Черт возьми... да кто ты такой, холостяк, чтобы читать мне морали? Если так нужны дети, почему сам не родишь? Лучше пока жив, найди себе женщину и постарайся, а не забивай голову чужой женой даже перед смертью!

Выпалив это, он развернулся, намереваясь уйти, но дорогу ему преградила вторая сестра — та, что обычно меньше всех вмешивалась в его жизнь. Пэй Чэн нахмурился и гневно посмотрел на неё, но она лишь покачала головой.

— Чэн, ты зашел слишком далеко. Есть вещи, которые нельзя говорить вслух, понимаешь? — Пэй Иньсюань, доведенный до крайнего раздражения, вдруг прищурился и улыбнулся. Только самые близкие знали, что это выражение лица означало его высшую степень гнева. Он решил, что его терпение к выходкам этих двоих заканчивается здесь и сейчас. — ...С чего ты взял, что старший брат не имеет права читать тебе морали? Во всём мире именно он имеет на это больше всего прав!

— Эй, не надо этой загадочности, говори яснее! — Пэй Чэн нахмурился, не понимая, к чему клонит брат, а Пэй Иньсы, услышав эти слова, мгновенно покрылся холодным потом.

Как такое возможно? Неужели... Иньсюань узнал «об этом»? О секрете, который он хранил в одиночестве почти двадцать лет...

Пока отец был главой семьи, он не мог раскрыть правду. А когда отец слёг, стало уже неясно, как об этом сказать. Так прошли годы. Он думал, что эта тайна будет похоронена вместе с ним...

— То, что ты с мужчиной, конечно, не ошибка, но ты задумывался, почему старший брат так настаивает на том, чтобы ты жил как обычный человек: женился и завел детей? Он просто хочет, чтобы ты обрел нормальное и спокойное счастье, а не оказался в той же ситуации, что и он сам. Он любит тебя больше всех на свете, потому что он...

— Замолчи! Замолчи! Хватит! — Пэй Иньсы пришел в себя и закричал, пытаясь остановить второго брата, решившего выложить всё начистоту.

Как он мог такое сказать? Пусть секрет останется секретом. Когда он узнал, что объект чувств Чэна тоже мужчина, в его душе было всё же больше шока, чем гнева...

Даже в своем «преступном» влечении они оказались так похожи. Разница лишь в том, какой груз каждый из них несет на своих плечах.

— Он и есть твой настоящий отец, — спокойный голос был отчетливо слышен даже сквозь гневные крики. — Ты — ребенок, рожденный им и твоей матерью. Теперь скажи мне, имеет он право требовать от тебя чего-то?

В спецпалате на самом верхнем этаже больницы группы Пэй, оснащенной по последнему слову техники, было просторно, чисто и стояла мертвая тишина. Казалось, здесь время остановилось.

Старик, лежащий на кровати без движения, выглядел истощенным, всё его тело было опутано трубками. Лишь едва заметно вздымающаяся грудь свидетельствовала о том, что он еще жив.

— Кажется, ты давно не заходил.

Пэй Чэн долго стоял перед кроватью, пока позади не раздался голос второго брата. Он не ответил, лишь кивнул, не отрывая взгляда от безжизненного лица.

Для него уже не имело большого значения, чьё это лицо — отца или деда; шок прошел, оставив лишь пустоту. А что касается обращения, которое укоренилось в его сознании за восемнадцать лет, — он не собирался ничего менять, даже теперь, когда знал правду.

— Старший брат приходит проводить отца каждую неделю, — тихо произнес подошедший Пэй Иньсюань. — Его время стоит бешеных денег, но он всегда проводит здесь по часу. Я никогда этого не понимал.

О чем тут вообще говорить? К тому же, даже если сказать много, отец всё равно не поймет. Человек, который годами верховодил в деловом мире, заставляя врагов скрежетать зубами, а женщин — толпами бегать за собой, на старости лет оказался прикован к постели тяжелой болезнью. Из-за прогрессирующей деменции и обширного инсульта он долгое время существовал лишь как пустая оболочка, поддерживаемая специальным оборудованием.

— Если бы ты действительно мог его понять, это означало бы, что твой разум такой же больной, как у него, — хмыкнул Пэй Чэн и перевел взгляд на второго брата. — ...Сколько еще продлится его операция?

— Если всё пройдет успешно, часа три. Но нужно еще дождаться, пока отойдет наркоз... Эй, ты куда? — Пэй Иньсюань с изумлением наблюдал, как брат вдруг развернулся и направился к выходу, причем вовсе не в сторону операционного блока.

— Мне нужно отлучиться.

— Не ходи туда! Чэн! — Пэй Иньсюань нахмурился, догадываясь, куда тот собрался. — Старший брат будет недоволен. Мне скоро нужно возвращаться в компанию, так что останься и дожись, пока он придет в себя! — В данный момент он временно замещал старшего брата на посту. Сам он тоже когда-то был в руководстве группы, но несколько лет назад оставил бизнес, чтобы заниматься тем, к чему действительно лежала душа.

Пэй Чэн замедлил шаг, не оглядываясь:

— Не зли меня... Моё состояние сейчас не самое стабильное, — произнес он подчеркнуто ровным тоном. — Не беспокойся, я скоро вернусь. Так тебя устроит?

— ... — Пэй Иньсюань был слегка ошарашен. Проводив взглядом фигуру брата, быстро скрывшуюся в конце коридора, он невольно вздохнул. Он предпочел бы, чтобы тот, как обычно, вспылал и устроил скандал... Такая внезапная покорность тревожила его гораздо больше.

С того самого дня тот человек больше не искал с ним встречи.

Фан Боцяо смотрел на газетный заголовок, гласивший, что второй рулевой знаменитой финансовой группы Пэй Иньсы в самом расцвете сил болен раком легких, и чувствовал странную растерянность. В конце концов, скрыть это не удалось.

Под влиянием новостей пресса докопалась до всех подробностей жизни семьи Пэй. О многом Фан Боцяо узнал только из газет, ведь Пэй никогда не рассказывал ему о себе. Например, о том, что у него много сводных братьев и сестер с огромной разницей в возрасте, или о том, что его отец — бывший финансовый магнат — долгие годы прикован к постели.

В такой семейной обстановке старший брат действительно был для него как отец.

Интересно, как он отреагировал на эту новость? Хорошо, что старший брат всё же изменил решение и согласился на операцию... Может быть, его к этому подтолкнули. В конце концов, старший брат должен прислушиваться к тому, что говорит он.

Фан Боцяо отвел взгляд от фотографии Пэй Иньсы, подозрительно похожего на другого человека, и свернул газету. В этот момент зазвонил телефон — это был отец:

— Боцяо! Ты готов? Пора ехать в аэропорт! Я жду внизу, спускайся!

— Хорошо. — Он повесил трубку, взял сумку и направился к выходу. Анна попыталась помочь ему, но он покачал головой.

— Господин в последнее время похудел... В Швейцарии вам нужно хорошо питаться, — сказала Анна; её китайский за последнее время стал намного чище.

Фан Боцяо замер:

— М-м... спасибо.

Он ехал в Швейцарию навестить бабушку, которая проходила там лечение, чтобы хоть как-то компенсировать то, что не смог поехать с семьей на Новый год. А Анна говорила так, будто это он болен. Проходя через прихожую, он машинально взглянул на зеркало в полный рост, не заметив в себе ничего необычного. Он чувствовал себя абсолютно здоровым.

Перед самым выходом он помедлил и, обернувшись, сказал ей:

— Анна, если... если тот седовласый мужчина снова придет, не открывай ему и не впускай. Скажи, что я уехал за границу, и больше ничего не добавляй... Пожалуйста.

Анна вытаращила глаза, явно не понимая, в чем дело, но послушно кивнула. На душе у Фан Боцяо немного отлегло. Он спустился вниз, сел в машину отца, даже не подозревая, что уже через несколько минут его просьба станет актуальной.

— Ну пожалуйста-а-а! Перестань читать! Ты что, не устал за целый день? Сходи со мной в центр города! Ну же-е-е-е!

— ...

— Какой ты противный, брат стал таким странным! Раньше ты никогда не был таким холодным... Точно, ты же завел девушку, да? Ты постоянно думаешь о ней и совсем не хочешь общаться с Джинной.

— ...

— Это так? Скажи! Я спрашиваю уже несколько дней, неужели так трудно хоть чуть-чуть рассказать?

Фан Боцяо оторвался от книги и нахмурился, глядя на девушку. Даже при его выдержке трудно было сосредоточиться на учебе в такой обстановке.

Он был в Швейцарии уже неделю, и всё это время его одолевала Джина — внучка, которую удочерила его бабушка. Джина была наполовину китайкой, наполовину швейцаркой: светлая кожа, темные волосы, зеленые глаза. Она была на шесть лет младше него, своего рода названная сестра. Он видел её раз в год и помнил как милую маленькую девочку, но в этом году Джина заметно подросла, стала одеваться более женственно, и при первой встрече он её едва узнал.

— Это библиотека, ты мешаешь другим. Иди домой, я закончу читать и приду, — понизив голос, ответил он. Если бы его товарищи по спортивной команде слышали его терпеливый, мягкий тон, они бы очень удивились, но Джину это только разозлило.

— Не разговаривай со мной этим тоном, будто я ребенок! Я уже выросла! — Она выпятила грудь, на которой уже наметились женственные изгибы, и её покрасневшее от гнева лицо стало ещё красивее. Западные девочки взрослеют очень рано, и по её внешности трудно было поверить, что ей всего двенадцать.

— На День святого Валентина в прошлом месяце я получила больше всех подарков в школе! У

меня целая стопка любовных писем от мальчиков! Я не вру! — Она активно жестикулировала, и в этот момент снова стала похожа на ребенка.

— Правда? — равнодушно ответил Фан Боцяо и снова опустил взгляд в книгу. Едва уловимое волнение в глазах скрылось за длинными ресницами.

В воздухе снова воцарилась тишина. Джина подперла подбородок рукой и сердито уставилась на него. Реакция брата была такой же холодной, как всегда, но она чувствовала, что что-то не так.

С тех пор как восемь лет назад её удочерила бабушка, она знала этого брата Боцяо, который каждый год приезжал в Швейцарию. Она всегда с нетерпением ждала его визита. Но в этом году он будто подменился. Её чуткое девичье сердце подсказывало, что у него кто-то появился, но как бы она ни допытывалась, этот вечно суровый и немногословный Боцяо не проронил ни слова.

— Спорю, в этом году ты провел День святого Валентина со своей девушкой, — сказала она с вызовом. — Она есть, а ты не признаешься, какой же ты хитрый!

Хитрый...? Почему она употребила это слово? Фан Боцяо сдержал вздох, переворачивая страницу. Несколько дней такой «бомбардировки» вымотали его.

— Эта девушка курит? Ты встречаешься с какой-то хулиганкой? Не может быть! — Видя, что он продолжает молчать, Джина прикусила губу и внезапно, без всякого предупреждения, бросила «бомбу».

Это была случайная догадка, но она увидела, что всегда бесстрастное лицо брата Боцяо действительно изменилось. Значит, это правда... Сердце вдруг болезненно кольнуло, хотя радости от того, что она угадала, не было вовсе.

— Ты... — Фан Боцяо поднял голову и уставился на неё, словно хотел что-то сказать, но так и не решился.

— Хе-хе, хочешь спросить, откуда я узнала? Смотри! Что это? — Она с усмешкой выудила из кармана распечатанную пачку сигарет. — Эта марка вроде дорогая, да? Обычные хулиганки такое не курят... Может, твоя избранница — взрослая женщина?

— ...Ты рылась в моих вещах без спроса? — Фан Боцяо помрачнел.

— Я не рылась! — Джина протестующе широко открыла глаза. Сегодня стало теплее, и он вышел без куртки. Мама попросила её забрать ту куртку в стирку, и она случайно нашла пачку в кармане. — Ты никогда раньше не был со мной таким грубым, значит, эта вещь действительно важная... Но почему не кольцо или амулет? Использовать пачку сигарет как

памятный знак любви — это так странно.

На душе стало тяжело, возможно, только из-за того, что девушка, которая нравится брату Боцяо, курит... Это было большим ударом. Трудно представить, ведь она прекрасно знала, как сильно он сам ненавидит сигареты.

— Отдай. — Фан Боцяо проигнорировал её слова и протянул руку.

— Не отдам! — Джина вскочила, юркнула на другой конец длинного стола и скорчила рожу. — Если не расскажешь правду про владельца этой пачки, даже не надейся!

— Джина! — Глядя, как она убегает, не оборачиваясь, Фан Боцяо вздохнул. Придется потом что-то придумать. Но Джина наверняка не вернет сигареты просто так, а он не хотел, чтобы об этом узнала бабушка... Казалось, часть его мозга была удалена — он снова опустил взгляд в книгу, но после нескольких попыток понял, что не может прочесть ни слова.

Он закрыл книгу и взял другую, как вдруг из неё выпала бумажка... Это был адрес электронной почты, который дал ему Лэй Тяньвэй.

После отъезда с Тайваня он ни с кем не связывался, кроме родителей, включая нескольких одноклассников по баскетбольной команде. Наверное, они сейчас сидят в классе, уткнувшись в учебники... Он повернул голову и посмотрел на ряд компьютеров у стены библиотеки. Поколебавшись, он встал и подошел к ним.

...Просто спрошу. Насчет владельца тех сигарет.

В этот боксерский клуб, который обычно позиционировал себя как элитное заведение, где строго запрещалось курение, алкоголь и драки, сейчас был заполнен густым, невыветриваемым запахом табака. Большинство клиентов уже ушли, а тех, кто остался поглазеть, хозяин клуба уговорил покинуть помещение. Молодой человек в дорогой одежде бессильно прислонился к барной стойке, с тяжелым вздохом глядя на напряженную сцену в центре ринга.

Это оборудование стоило огромных денег, и репутация первоклассного клуба, которую он так долго выстраивал, сейчас рушилась. Этот парень Пэй его точно когда-нибудь погубит.

— Эй, может, помощь нужна? — вяло и без особой надежды крикнул он.

Противник привел немало людей — несколько известных профессиональных громил, а главаря, этого молодого господина, он узнал. Разве семье Цзи не досталось на орехи совсем недавно? Неужели этот Цзи Фэн, наплевав на мнение отца, решил во что бы то ни стало отомстить? А у

него нюх как у ищейки — стоило Пэю, исчезнувшему на время, появиться в клубе, как тот примчался следом с такой оравой. Очевидно, был готов к драке.

Десять, двадцать, тридцать... Какая грандиозная постановка ради того, чтобы одолеть «одного человека». Мужчина хмыкнул. Похоже, в прошлый раз молодому господину Цзи сломали не только ребра, но и кое-что пониже.

— Валите отсюда. — Пэй Чэн стоял с голым торсом, без всякой защиты, хотя только что закончил спарринг.

Сквозь шумную музыку он бросил холодный взгляд на парня, который, бормоча что-то неразборчивое, жевал сигарету — та ходила вверх-вниз при каждом движении губ, невероятно раздражая. У Пэя возникло только одно желание: вытащить сигарету и воткнуть её обратно обратной стороной. И он тут же это сделал.

— Окей! Развлекайтесь, а счет за ущерб мы выставим позже, — мужчина с болью в сердце прикрыл выбитую дверь, отсекая доносившиеся изнутри крики и звуки хаоса.

Тьфу, думают, числом возьмут? Если бы они пришли чуть раньше и увидели, как Пэй разделался с иностранным профессиональным боксером... После увиденного, если бы кто-то из них остался искать смерти, он, молодой господин Гао, сменил бы фамилию.

Он никогда еще не видел Пэя в таком скверном настроении. А идиотов, которые решили «специально» прийти и наступить на мину в такой момент, жалеть нечего.

— Дзынь!

Раздался глухой звон разбитого стекла. Золотоволосый юноша замер на месте с обломком бутылки в руке; выражение торжества на его лице от удавшейся подлнки мгновенно испарилось, стоило ему встретиться со взглядом мужчины.

Ни царапины? Как это возможно? Это ведь была целая, нераспечатанная бутылка пива, которая со всей силы обрушилась на голову... Он в недоумении отступил на шаг, и на его дерзком, молодом лице, которое ничего не боялось, наконец проступил страх.

— Гадость, — Пэй Чэн провел тонкими пальцами по мокрым волосам на лбу и облизнул губы. — От этого вкуса хочется блевать. Если уж осмелились ударить меня такой дрянью, надо было использовать что-то подороже, иначе... наказание будет строже.

С последним словом золотоволосый юноша рухнул, его беззащитная спина с силой врезалась в рассыпанные по полу осколки. От боли он не смог даже закричать и тут же потерял сознание, а из-под него начала медленно расползаться алая лужа.

— Нападайте все сразу, чтобы не тратить время.

Пэй Чэн даже не глядя пнул потерявшего сознание юношу за пределы ринга и обвел взглядом остальную толпу. Переведя взор через людей, стоявших наготове с разным оружием, он остановился на одном бледном лице, которое изо всех сил пыталось сохранить самообладание.

— Теперь очередь твоя, — сказал он, прищурившись. У человека в теле двести шесть костей. Раз пяти сломанных ребер молодому господину Цзи оказалось недостаточно, в этот раз он его не разочарует.

— Чего вы застыли? Нападайте! Зажмите его в угол и бейте! — Цзи Фэн вздрогнул, но тут же начал исступленно размахивать кулаками. — Чего бояться? Нас так много, мы не можем его не одолеть! Даже если он силен, это невозможно! — он повторял это истерично, словно пытаясь приободрить не столько своих людей, сколько себя.

На действия «червей», воспрянувших духом под вопли своего главаря, Пэй Чэн ответил тем, что подобрал с пола металлическую бейсбольную битку.

Мужчина, кутивший за дверью, перестал напевать песенку, заметив, что вопли внутри затихли.

Можно заходить? Интересно, что стало с его любимым клубом... Только он коснулся двери, как из-за неё донеслась серия жутких грохотов, от которых сигарета выпала у него из пальцев.

...Не может быть...?? Он даже не почувствовал, как окурок обжигает штанину, а рука, лежащая на двери, дрожала — в этот миг он не решался её открыть.

Тот, кто сам был не чужд стрелковому спорту, прекрасно понимал, что означают эти пугающие звуки.

Три выстрела... Если память ему не изменяла.

<http://bllate.org/book/21140/2144094>